

Вопрос: Добрый день! Прежде, чем мы начнем говорить, я прошу Вас представиться.

Ответ: Я - Сушук Николай Владимирович. Родился в 1930 году в селе Ржатковка Новоград-Волынского района Житомирской области. До войны я уже закончил 4 класса. В 1941 году до начала войны мне было 11-12 лет, и я многое помню.

Вопрос: Я хочу поговорить о том, что Вы помните о годах оккупации. Где Вас застала война? Где Вы были во время оккупации?

Ответ: Война и оккупация застала там, где я родился – на Житомирщине. Там я родился, там жил до войны и после войны, пока не поступил в институт. Это село Ржатковка. Там был типа рабочего поселка. Мои родители там жили испокон веков, и дедушки, и бабушки – там род весь жил в тех местах. Полищуки так называемые – Полесье. До войны учился в школе. Любил военную литературу с детства. Со второго класса много читал. Там вокруг нас размещались воинские части, поэтому мечта всех ребятишек была быть военным. Мы всегда смотрели на воинские учения. Там были и кавалерийские полки, и танковые части. И когда началась война, то мы увидели весь ужас войны. 22 июня немцы уже бомбили Житомир. Над нашими головами летали немецкие самолеты. А уже в последующие дни начали бомбить железнодорожный вокзал города Новоград-Волынский и окрестности, где стояли воинские части. И фронт очень быстро приближался к нам. Уже числа 7-8 немцы начали обстреливать нашу территорию, там, где мы жили. Немецкая артиллерия уже стреляла. Да даже и раньше, уже 5 июля обстреливали. И мы с родителями выехали в тыл километров за 20-30. Думали, что будут там большие бои. Там был до войны укрепрайон, правда, он своей роли не сыграл: не было стрелковых частей между этими укреплениями. Мы выехали, а потом, когда вернулись где-то числа 10 июля, то город был взят. Немцы взяли Новоград-Волынский 9 июля 1941 года. Правда, наши военные части, которые отступали севернее Новоград-Волынского, пытались прорваться. Где-то в течение месяца атаковали, хотели разорвать немецкое наступление по трассе Новоград-Волынский – Житомир – Киев. Шли упорные бои. Постепенно немцы оттеснили наши части в район Коростеня. И началась настоящая немецкая оккупация. Правда, оккупация – это страшное дело! Немцы грабили, забирали скот у людей, забирали продовольствие. А тогда это был рабочий поселок, не сельская местность – запасов у людей не было! Трудно пришлось очень жить! Но не это главное. Главное, что начались расстрелы. В городе Новоград-Волынский до войны была большая часть еврейского населения. Я думаю, что тысяч 8-9 было из общего количества жителей города. Когда я учился в школе № 3 Новоград-Волынского (это недалеко от дома, где-то километра три), со мной училось много еврейских мальчиков. Некоторых я помню по сей день по имени и фамилии. С некоторыми встречался после войны. В частности, Коровяковский Изя и Брик Шура. Мы с ними учились с первого класса по четвертый. Эти ребята сумели эвакуироваться со своими родителями, успели в последние дни перед захватом города немцами. Но очень много осталось еврейского населения. И немцы после захвата города, спустя дней 10 или две недели, все еврейское население согнали в один район города. В тот район, где и до революции, и после революции жили еврейские ремесленники. Это над рекой Случь типа остатки старой крепости. И там это население жило. Это было что-то типа гетто, потому что немцы окружили проволокой этот район и охраняли, что никто оттуда не мог выйти. Это было в июле 1941 года. Помню, я проезжал со своим отцом через эту территорию. Мы мать возили в больницу, она тяжело заболела в первые дни войны. Проезжали мы, и видел я этих измученных людей. Как вспоминаю сейчас... так ...очень тяжело вспоминать...

Получилось так, что я стал свидетелем, когда немцы вели на расстрел евреев. Это было во второй половине августа 1941 года, где-то ближе к концу августа. Будучи у себя дома, во дворе, я услышал

какой-то шум: галоп, плач, крики. У нас там был небольшой лесок, и был тип военный, он слышал крики и плач. Видел в это время немецких солдат. А к этому времени уже дорога. Было отвлечение: дорога шла через наш поселок, а выше часть дороги просматривалась. И

The following transcript is the result of a recorded interview. The recording is the primary source document, not this transcript. It has not been checked for spelling or grammar. This document should be cited as noted or used without first checking it against the interview.

я, когда глянул в ту сторону, увидел, что идет толпа людей, а потом за ними еще едут какие-то машины. Спустя какое-то время я услышал выстрелы в лесу. Выстрелы из автоматов, пулеметов, короче, частую стрельбу. И я тогда не знал, что там произошло, кого там расстреливали. Правда, к вечеру старшие люди сообщили, что там расстреляли евреев. А мы там, в этом лесу, в районе тира и окружающего поля, пасли коров перед войной и во время войны. И, когда через несколько дней пошли, так увидели в одном из боксов тира (тир состоял из четырех полос, окруженных высокими валами метра по 3-4) увидели большую яму, вернее насыпанный большой холм внутри этого тира. Размером где-то метров 25-30 и шириной метров 6-7. Холм высокий был. Вот это оказалось то место, где были расстреляны люди еврейской национальности. Расстреляли где-то около двух тысяч людей. Там были и дети, и взрослые. Мы еще возле этого холма в тире видели детскую одежду: детские сандалики, брюки, платица. Была какая-то и взрослая одежда. Видимо, во время расстрела это было утеряно.

Это был один момент. Потом, спустя 3-5 дней после этого расстрела, я увидел...опять же, был во дворе...сестра пасла корову, а я был дома, потому что мать была тяжело больна, и я возле нее дежурил. Так я, будучи дома, видел, как гнали колону возле нашего двора. А мы жили от дороги метров 10-15. В то время много людей попадало в плен, много наших солдат. И немцы каждый день гнали под охраной автоматчиков сотни и тысячи военнопленных. Они были измученные, грязные, хотели пить, есть. Мы что-то пытались этим пленным передать, оказать какую-то помощь. А то гнали небольшую группу людей, человек 40-50, одетых и в военное, и в гражданское. Где-то метров за 200 от нашего двора была дорожка, которая вела в сторону этого тира, где расстреляли евреев. И эту группу тоже погнали в тот лес. И потом услышал крики. Я увидел, что этих людей строят немцы в шеренгу, окружив их с автоматами. Устанавливают пулеметы и собираются расстреливать эту шеренгу. Мне это было хорошо видно, потому что, когда расстреливали тогда евреев, это был крайний правый бок, и он был закрытый лесом от меня. Я со двора не мог видеть, только слышал. А это был крайний левый бок, первый бокс (а евреев расстреливали в четвертом боксе). Так немцы выкопали яму возле первого бокса, если брать слева направо, и стали строить их в шеренгу. И перед тем, как только они выстроились, и офицер должен был дать команду стрелять, эти люди начали разбегаться! Разбегаться в разные стороны в лес. По ним стреляли вдогонку немцы, потом стаскивали трупы в яму. Но некоторые удрали! Мои друзья детства, Валентин Савчук и Кузьменко Николай, в это время были в библиотеке воинской части, которая находилась от тира метров 150-200. Они выбирали там себе книги, потому что интересовались чтением, а воинская часть отступила, и все имущество там было оставлено в библиотеке. И они тоже слышали стрельбу. И, когда они выглянули, то увидели, что два немца догоняли одного, уже раненого, беглеца. Они его схватили за руки и поволокли к месту расстрела. Вот эти Кузьменко и Савчук, они видели с другой части стрельбища. Я видел с северной части, а они с южной части. Но несколько человек, видимо, убежало. Потому что еще вечером того же дня немцы искали по лесу и у нас по дворам заглядывали в сараи, заглядывали на чердаки. Моя мать лежала на кровати, так они под кровать заглядывали. И на второй день занимались поисками. Я не знаю, кто это были расстреляны, но подозреваю, что это могли быть политработники – комиссары их тогда называли. Это было в 1941 году.

В том же 1941 году, тоже хорошо это помню, уже после тех расстрелов уцелевшие люди еврейской национальности пробирались часто мимо нашего двора, шли на восток. Заходили к моим родителям, родители давали им что-то из пищи, воды напиться, что-то из одежды давали, если нужно было. Это тянулось всю осень 1941 года. Всю осень были беглецы: кто-то где-то спрятался и потом уходил на восток. Отец мой давал им рекомендации, куда уйти в леса, где, возможно, партизаны появятся, где можно было бы скрыться. Вот это я помню очень хорошо. Правда, еще был случай, когда и в 1942 году зимой один молодой человек лет 17-18 заходил к родителям. Они его накермили, дали старую шинель, на голову и указали, куда идти.

The following transcript is the result of a recorded interview. The recording is the primary source document, not this transcript. It has not been checked for spelling or content accuracy. This document should not be quoted or used without first checking against the interview.

Город Новоград-Волынский был освобожден 3 января 1944 года. К нам, там, где я жил, пришли советские солдаты, то есть, наступающие части советские, пришли уже 30 декабря 1943 года. А за город бои шли три дня, город был освобожден 3 января 1944 года.

После этого я пошел в школу, закончил институт и получил направление на работу по специальности в город Новороссийск Краснодарского края, а потом перевелся в город Киев, где проработал с 1956 года до выхода на пенсию в 1992 году. Но в послевоенные годы я встречал этих ребят, с кем учился в школе: и Коровяковского Изю, и Брика Шуру. Они вернулись с эвакуации со своими родителями, учились, закончили школу, поступили в институты. И потом наши пути разошлись.

Хочу сказать, что очень было тяжелое время оккупации. После оккупации мне лет 5-7 снились эти страшные события, когда немцы приходили во двор, могли ограбить, могли расстрелять. А потом и власовцы – это перебежчики, которые немцам служили, которые еще хуже относились к населению, чем оккупанты.

На месте расстрела евреев после войны был поставлен мемориал. А на месте тех 40-50 расстрелянных ничего не было. И в канун 20-летия Победы над немецкими фашистами я со своим другом Савчуком Валентином ходили к военкому Новоград-Волынского с просьбой, что мы можем показать, где были расстреляны военнопленные, чтоб он мог организовать раскопку и перезахоронение. Но тот военный чиновник от нас отмахнулся. Прошло много лет. На том месте все поменялось. Лес вырубил в 1944 году во время войны, территорию заняли потом под огороды, а после 90-х годов начали раздавать под дачи разным чиновникам. Сейчас там частная земля. В 2005 году я обращался к спикеру Верховной Рады Литвину, чтоб перезахоронили. Он дал поручение местным властям. Местные власти отписались о том, что все погибшие были перезахоронены. Но это те, которые погибли при освобождении Новоград-Волынского. А тех вряд ли перезахоронили.

Вопрос: Вы рассказали, что еврейское население согнали в одно место, туда, где они раньше жили.

Ответ: Где жили еврейские ремесленники: кузнецы, сапожники, портные. Место, где жили они спокон веку, еще до революции.

Вопрос: Да, и Вы сказали, что там образовалось что-то вроде гетто.

Ответ: Я когда-то интересовался историей Новоград-Волынского. И в энциклопедии (она была дореволюционная) приводились такие цифры: в 1913 году в городе Новоград-Волынский проживало где-то около 20-23 тысяч населения, из них примерно 7 тысяч было еврейского населения. Это было до революции. А потом после революции численность населения росла, потому что промышленность в городе развивалась. Большинство евреев, которые были побогаче, которые занимали службы государственные и были побогаче, в общем, еврейская интеллигенция, эвакуировались. Ну, не все, конечно. А в этой части, где жили ремесленники, была школа, где я учился.

Вопрос: Вы учились там во время войны?

Ответ: Нет, до войны и после. А во время войны мы не учились.

Вопрос: Вы были рядом с тем местом, где было это гетто?

Ответ: Я ж Вам приводил пример, что проезжал там с отцом.

Вопрос: Когда Вы проезжали с отцом, Вы видели гетто? Кто его охранял?

The following transcript is the result of a recorded interview. The recording is the primary source document, not this transcript. It has not been checked for spelling nor verified for accuracy. This document should not be quoted or used without first checking it against the interview.

Вопрос: Вы их различали?

Ответ: Полицаи были с повязками.

Вопрос: А самих евреев в гетто Вы видели?

Ответ: Видел.

Вопрос: Как они выглядели?

Ответ: Оборванные, грязные, голодные. Их ограничили в питании, а запасов не было у людей.

Вопрос: На них были какие-то знаки отличительные?

Ответ: Я знаков не заметил.

Вопрос: А когда Вы видели, как гнали к тиру на убийство людей, откуда Вы знали, что это евреи?

Ответ: Я ж сказал, что я тогда не знал, кого гонят. Это к вечеру уже люди говорили. У нас был полицай Литвинов, он сам был приезжий из России, а жил в Украине. И он вызвался немцам служить – пошел в полицаи. И он потом рассказывал людям, что принимал участие в конвоировании евреев. Это я слышал от своих родителей.

Вопрос: Вы слышали стрельбу. Потом, когда пасли коров, Вы туда пошли. Можно об этом подробнее?

Ответ: Вот у меня есть на схеме. Вот это четвертая секция тира, вот тут лес выступает, а мой двор тут. Место расстрела я не мог видеть со двора, потому что оно закрывалось краем леса. Но стрельба была в этом маленьком лесочке. А тут идет дорога на Новоград-Волынский на север через Ржатковку в село Чижовку. В воинскую часть вела дорога. Тут был тир, тут вверху – казармы, библиотека. Так вот от этой дороги, которая идет от центральной дороги – метров 200-250 к этому тиру. Вот этот участок с моего двора просматривался. Так вот со двора до тира примерно километр. Поэтому мне хорошо видно было, когда расстреливали тех сорок человек. А тех, в лесочке, слышно было. Что такое стрельба на расстоянии километра? Да стрельбу можно слышать за 7-8 километров!

Вопрос: Это отдельные выстрелы или очереди?

Ответ: Я ж говорил, что это стрельба с автоматов и пулеметов. Это не отдельные выстрелы. Это стрельба очень четко со многих автоматов, со многих пулеметов. И крики...людские крики в лесу.

Вопрос: Когда их гнали по дороге, Вы ведь тоже видели?

Ответ: Когда их гнали по дороге, это было слышно стон толпы. Плач - люди знали, куда идут. Матери, дети плакали, старики стонали, Бога молили...

Вопрос: Вы слышали какие-то реплики?

Ответ: Когда идет толпа, то на расстоянии слышно шум этой толпы. Почему я и обратил внимание: когда я услышал шум, то посмотрел из двора. А сестра моя вот здесь пасла коров, тут было поле для кавалеристов. Она была ближе, она еще больше видела и слышала.

Вопрос: Вы рассказывали, что во время расстрела одного беглеца поймали. Вы сами это видели?

Ответ: Нет, я был на расстоянии километра от этого места по прямой, во дворе. А ребята были в библиотеке. Вот тир, вот библиотека, а вот здесь немцы заранее выкопали яму. Ребята шли в библиотеку.

библиотеку, проходили и видели эту яму глубокую. Но они не знали, для какой цели эта яма, и пошли в библиотеку. А когда они услышали стрельбу и выглянули в окно, то видели, что немцы догоняют одного раненого. Раненый убегает, в ногу раненый, хромая, убегает.

Вопрос: Но это Вы не видели?

Ответ: Это они мне рассказывали.

Вопрос: Я хочу вернуться к тому, что Вы сами видели. Вы говорили, что видели расстрел группы людей 40-50 человек, по-видимому, военнопленных.

Ответ: Так это ж я за эту группу и рассказываю. Вот эту ж группу ребята видели. Савчук и Кузьменко видели, когда шли в библиотеку. И они мне рассказали про того хромого раненого, который убегал.

Вопрос: Когда расстреливали эту группу 40-50 человек, Вы видели?

Ответ: Это я видел. Их построили в шеренгу.

Вопрос: Их раздевали?

Ответ: Нет, не раздевали.

Вопрос: Что это за люди были? Они были в военной форме?

Ответ: Нет, в полувоенной: кто-то в военной, кто-то был в пиджаке, в гражданской одежде. Там было так смешано: и в военной форме, и в невоенной.

Вопрос: Это не были евреи?

Ответ: Нет, я думаю, что нет. Так я рассказываю, что я видел. Вот тут яма была выкопана. Немцы их построили. А сами немцы ко мне спиной стояли, чтоб стрелять. И стояли по бокам немцы, то есть, чтоб они никуда не убежали. И против них стала команда с пулеметами, автоматами, которые расстреливать должны были. Но, пока офицер дал команду, те, видимо, сговорившись, стали разбегаться в разные стороны, кто куда. И немцы не успели дать организованный залп по выстроившимся и стреляли им вдогонку. Но, так как лес там был рядом, то кто-то скрылся. Потому что немцы два дня искали. Это было уже под вечер, часов в 5-6 вечера. Так они приходили в тот же день ко мне домой, заглядывали на чердак, в сарай. И на следующий день ходили, искали.

Вопрос: Потом, когда Вы пасли скот на следующий день, Вы были на том месте. Что там было?

Ответ: Я был там не на следующий день, а через несколько дней после того. Вот тир, вот валы высотой по три метра. Между валами расстояние метров 15-20. Внутри этих валов мы увидели большой насыпанный бугор свежей земли. Знаете, как кагаты, когда картошку хранят, только кагаты узкие, а то – высокие. Длиной метров 20, наверное, и шириной метров 5-6. И свежая земля. И валялись там детские сандалики, какие-то клочки одежды, платица детские, чья-то фуражка.

Вопрос: Вы еще рассказывали о лагере военнопленных.

Ответ: Да, в Новоград-Волынском был лагерь военнопленных. Видел я в лагере те же самые кагаты, только побольше. Те же ямы с высокими насыпями. Там была школа № 2. Школа имела большой двор, и там был лагерь. Там военнопленные умирали, и немцы их там хоронили. Со своей матерью я

The following transcript is the result of a recorded interview. The recording is the primary source document, not this transcript. It has not been checked for spelling nor verified for accuracy. This document should not be quoted or used without first checking it against the interview.

<http://collections.ushmm.org>

Contact reference@ushmm.org for further information about this collection

больше, чем в Новоград-Волынском. Проезжали мы мимо лагеря в городе Ровно, и видели эти огромные кагаты. Там десятки тысяч людей были закопаны!

Вопрос: Это Вы имеете ввиду военнопленных?

Ответ: Да. Потом еще было много расстрелов.

Вопрос: Вы сами эти расстрелы видели?

Ответ: Нет.

Спасибо.

The following transcript is the result of a recorded interview. The recording is the primary source document, not this transcript. It has not been checked for spelling nor verified for accuracy. This document should not be quoted or used without first checking it against the interview.

The interview is part of the United States Holocaust Memorial Museum's collection of oral testimonies. Information about access and usage rights can be found in the catalog record.